

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

А. А. Тарасов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

HISTORICAL ASPECT OF THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE CRIMINAL LEGAL INSTITUTE FOR COUNTERING TERRORISM IN RUSSIAN LEGISLATION

A. A. Tarasov

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: рассматривается история возникновения и развития уголовно-правовой регламентации противодействия терроризму. Проанализирована эволюция российского законодательства от первых упоминаний в Уголовном уложении 1903 г. до современных антитеррористических законов. Сопоставляются различные научные подходы к генезису терроризма и его периодизации, а также дискуссионные вопросы квалификации исторических событий как террористических актов. Особое внимание уделяется роли государства в реагировании на террористические угрозы и формировании законодательной базы для противодействия терроризму.

Ключевые слова: политическое убийство, террористический акт, нормативно-правовое регулирование, противодействие терроризму.

Abstract: the history of the emergence and development of criminal legal regulation of counterterrorism is considered. The evolution of Russian legislation from the first mentions in the Criminal Code of 1903 to modern anti-terrorism laws is analyzed. Various scientific approaches to the genesis of terrorism and its periodization are compared, as well as controversial issues of qualifying historical events as terrorist acts. Particular attention is paid to the role of the state in responding to terrorist threats and the formation of a legislative framework for countering terrorism.

Key words: political assassination, terrorist act, legal regulation, countering terrorism.

Актуальность изучения истории возникновения и развития уголовно-правового регулирования противодействия терроризму обусловлена масштабностью и непредсказуемостью исходящих от него угроз, представляющих опасность как для национальной безопасности государств, так и мирового сообщества в целом. Терроризм имеет глубокие исторические корни. Он эволюционировал от индивидуального к групповому, локальному, массовому и транснациональному форматам; разрушает социальные, межнациональные и религиозные связи, сеет страх и панику. Противодействие данной глобальной угрозе требует постоянного усовершенствования

не только национальных, но и международных стратегий.

На фоне проведения Специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины (СВО)¹ значительно активизировалась террористическая деятельность внутри России (см. таблицу). Современные формы терроризма демонстрируют непрерывное изменение. Происходит возникновение новых направлений, включающих в себя применение мейн-

¹ См.: Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации : постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 22 февраля 2022 г. № 35-СФ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 10. Ст. 1418.

стримных цифровых технологий, масштабных кибератак и манипуляционных методов социальной инженерии².

Т а б л и ц а

Динамика преступлений террористического характера⁵

Период, год	Количество зарегистрированных преступлений террористического характера* / в т.ч. терактов	Осуждено по террористическим преступлениям
2019	1806 / 43	56
2020	2342 / 50	23
2021	2136 / 41	56
2022	2233 / 127	43
2023	2382 / 410	73
2024	3714 / 1191	132

* К преступлениям террористического характера в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ) относятся составы, предусмотренные целым рядом статей, в основном сосредоточенных в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности».

Стоит лишь вспомнить резонансное нападение террористов на посетителей подмосковного концертного зала «Крокус Сити Холла»⁴, систематические подрывы с использованием беспилотных аппаратов российских гражданских объектов⁵, попытку дестабилизации общества в результате кибератаки на информационные ресурсы авиакомпании «Аэрофлот»⁶ и многочисленные организованные зарубежными колл-центрами комбинированные преступные эпизоды

² См.: Бычков В. В., Прорвич В. А. Киберэкстремизм в системе киберпреступности // Рос. следователь. 2024. № 2. С. 54–58.

³ По официальным данным сайта: URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 17.11.2025).

⁴ См.: Зинин Ю. Н. Терракт в «Крокус Сити Холле»: восприятия и отклики на Ближнем Востоке // Россия и мусульманский мир: науч.-информ. журнал. 2024. № 2. С. 332.

⁵ См.: Рудик М. В., Торопов С. А. Беспилотные средства доставки взрывчатых веществ как орудие преступления // Ученые записки Крым. федер. ун-та В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 3. С. 175.

⁶ См.: Титова В. А. Цифровой террор: как атаки на «Аэрофлот» изменят будущее гражданской безопасности. URL: <http://ukraina.ru/amp/20250728/tsifrovoy-terror-kak-ataki-na-aeroflot-izmenyat-budushee.html> (дата обращения: 17.11.2025).

мошенничества и терактов⁷, чтобы аргументированно утверждать, что современный терроризм становится более высокотехнологичным и имеет явное сходство с боевыми операциями.

При этом отдельными западными политиками уже запущен преступный тренд, направленный на то, что терроризм против населения России всё больше становится не осуждаемым мировым сообществом явлением, а универсальным военно-тактическим средством⁸.

В связи с этим научная новизна рассматриваемой проблематики заключается в необходимости проведения всестороннего и систематизированного анализа эволюции уголовно-правовых норм, регламентирующих противодействие терроризму в различные исторические периоды времени.

Целью изучения генезиса уголовно-правового регулирования противодействия терроризму является подготовка научно обоснованных предложений по совершенствованию уголовно-го законодательства.

На фоне нарастания существующих и формирования новых глобальных угроз и несмотря на наличие обширной наработанной правовой базы остаются нерешенными задачи, касающиеся уточнения этапов возникновения и развития уголовно-правового института противодействия терроризму, внесения ясности в соответствующий понятийный аппарат, оценки эффективности применения правовых норм в конкретные исторические периоды, что обуславливает необходимость дальнейших научных изысканий в этой области.

Объектом исследования выступают социальные отношения, возникающие в процессе обеспечения общественной безопасности и противодействия терроризму, а также эволюция уголовно-правового регулирования этих отношений в историческом контексте.

Предметом исследования являются нормативно-правовые акты (уложения, уголовные ко-

⁷ См.: Бортников А. В. ФСБ: на Украине работает более 120 колл-центров для вербовки россиян. URL: <https://myseldon.com/ru/news/index/336483391?requestId=aa10a4b7-83cb-43f5-8108-b4ce590b975a.html> (дата обращения: 17.11.2025).

⁸ См.: Примеры высказываний официальных лиц и представителей элит западных стран в отношении России, в которых используется «язык ненависти» (январь-октябрь 2025 года). URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/publikacii-i-oproverzenia/primery-provavleniya-rusofobii.html (дата обращения: 17.11.2025).

дексы, федеральные законы, международные договоры), научные концепции, правоприменительная практика и накопленный исторический опыт, относящиеся к уголовно-правовой регламентации противодействия терроризму на различных этапах развития общества и государства.

По мнению автора, применение историко-правового метода в изучении этапов генезиса нормативной регламентации противодействия терроризму предоставляет возможность выявить коренные причины возникновения указанного явления и определенные закономерности, оценить эффективность, результативность ранее принятых мер, а также сформулировать обоснованные предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства в данной сфере. Установление исторических закономерностей и особенностей формирования уголовно-правовой регламентации позволит прогнозировать будущие тенденции развития этого института.

Таким образом, изучение генезиса уголовно-правового противодействия терроризму имеет как научную (углубление теоретических знаний), так и практическую (повышение эффективности, результативности правоприменения и совершенствование законодательства) актуальность и новизну.

В рамках исследования проведен анализ существующих научных подходов к истории возникновения и периодизации уголовно-правового института противодействия терроризму, который формировался в качестве ответной меры данного вида противоправных деяний. Результаты показывают, что в научном сообществе до настоящего времени нет единого понимания относительно момента возникновения терроризма как преступного социального явления.

Так, при определении хронологических рамок исследователи расходятся во мнениях относительно его тождественности с политическими убийствами, что также приводит к дискуссиям по поводу периодизации терроризма.

Приверженцы данной точки зрения ученые-террорологи А. А. Королев⁹, В. Лакер¹⁰, П. А. Ко-

⁹ См.: Королев А. А. Террор и терроризм в психологическом и идеологическом измерении : история и современность : науч. монография. М. : Моск. гуманит. ун-т, 2008. С. 1–3.

¹⁰ См.: Laqueur W. The new terrorism : fanaticism and the arms of mass destruction. N. Y. : Oxford univ. press, 1999. VII. P. 312 p.

шель¹¹ считают, что его корни исходят из античных времен. В качестве самого раннего акта терроризма указывают на совершенное в 336 г. до н.э. политическое убийство царя Македонии Филиппа II (отец Александра Македонского). Одной из самых ранних террористических группировок в истории человечества исследователи считают действовавшую в Иудее в I в. н.э. еврейскую секту сикариев – «кинжальщиков».

Радикалы специализировались на физическом устранении представителей иудейской знати, выступавших за коллаборацию с римскими оккупантами. Обвиняли их в предательстве веры и национальных интересов. Целью сикариев являлось создание независимого от Рима еврейского государства. В качестве оружия радикалы использовали кинжалы или короткие мечи – «сику».

В своих исследованиях В. Лакер называет сектантов радикальными национал-сепаратистами, формирующими общественную протестную активность. В связи с этим ученый рассматривает «кинжальщиков» в качестве прообраза участников современных террористических структур. Самой результативной их акцией было политическое убийство первосвященника Израиля Ионафана.

К прототипу современных террористических организаций исследователи также относят основанную в 1090 г. секту ассасинов («едящих траву»). Боевики данного религиозно-военно-формирования действовали в труднодоступных горных районах современных территорий Сирии, Ливана и Ирана. В качестве основного метода политической борьбы они применяли убийства идеологических противников: представителей официального мусульманского духовенства, халифов, султанов, военнослужащих. Своими насильственными действиями ассасины держали в страхе население региона и существенно дестабилизировали политическую обстановку в государствах Востока.

Сравнительный историко-правовой анализ возникновения «кинжальщиков» и ассасинов показывает их сходство как между собой, так и с современными террористическими группировками. Так, все структуры возглавляет лидер-организатор, характерны устойчивость групп, отлаженная система связей участников, распределение ролей. В наличии имеется объединяю-

¹¹ См.: Кошель П. А. История российского терроризма / под ред. П. А. Кошель. М. : Голос, 1995. С. 367.

щая членов ячейки идеологическая платформа, использующая для достижения целей насилие и запугивание общества.

Иная позиция относительно «точки отсчета» представлена в работах А. П. Шмидта и А. И. Миллера. Они связывают генезис терроризма с Французской революцией конца XVIII в.¹² Организация якобинцами политических убийств не угодных им общественных деятелей, применение насилия в отношении гражданского населения, по мнению указанных авторов, позволяют рассматривать данный исторический период как отправную точку в формировании терроризма как специфического социально-политического явления. При этом акцент исследователи делают на систематическом использовании якобинцами насилия для достижения политических целей и устрашения противников режима.

Анализ эволюции отечественного уголовно-правового института в сфере противодействия терроризму указывает на прямую корреляцию с произошедшими в конкретный исторический период в мире и российском обществе политическими и социально-экономическими трансформациями.

В процессе длительного, многоэтапного и противоречивого пути, от первых упоминаний о «злодеяниях, возбуждающих ненависть к правительству» в Уголовном уложении 1903 г.¹³, до современной системы антитеррористических нормативно-правовых актов, отечественное законодательство претерпело масштабные изменения, отражающие трансформацию и юридическое толкование самого феномена терроризма.

В отечественной истории зафиксированы многочисленные политические (династические) убийства, захваты в заложники и иные сопровождавшиеся массовыми жертвами акты насилия. Подобные действия, по мнению автора, несомненно, имеют определенные признаки современного понимания террористической деятельности. В то же время ввиду отсутствия в более ранние исторические периоды развитой и зрелой системы уголовного права они не квалифицировались как таковые. Вместе с тем указанные исторические события возможно рассматривать

как предпосылки формирования концепции современного терроризма.

Результаты анализа существующих научных подходов к истории возникновения, а также периодизации уголовно-правового регулирования противодействия терроризму в России также демонстрируют отсутствие единого понимания в данных вопросах.

В первую очередь учеными ведется дискуссия, касающаяся момента возникновения терроризма в российской истории.

Кроме того, при определении хронологических рамок исследователи также расходятся во мнениях относительно тождественности терроризма с политическими (династическими) убийствами, что приводит к различным подходам к его периодизации, отодвигая генезис терроризма к временам Киевской Руси.

В качестве первого зафиксированного в истории России террористического акта исследователь П. А. Кошель указывает на политическое убийство приравненных к лику святых князей Бориса и Глеба¹⁴. Его позицию поддерживает исследователь В. Е. Петрищев, утверждающий, что «данный исторический эпизод является одним из первых зафиксированных в летописи фактов использованного в качестве вспомогательного средства в получении власти политически мотивированного убийства, и в целом его условно возможно рассматривать в качестве “прародителя” террористического акта»¹⁵.

По мнению О. В. Будницкого, «точкой отсчета» в возникновении отечественного терроризма стало совершенное 4 апреля 1866 г. Д. Каракозовым покушение на императора Александра II¹⁶.

Исследователь Г. И. Телегин в качестве первого в российской истории террористического акта называет политически мотивированное покушение на жизнь генерал-адъютанта Д. Ф. Трепова¹⁷.

При этом ряд исследователей предлагают относить «к терактам и действия, произошедшие во второй половине XIX в., когда отчетливо про-

¹⁴ См.: Кошель П. А. Указ. соч. С. 12.

¹⁵ Петрищев В. Е. Что такое терроризм, или Введение в террорологию. М. : КРАСАНД, 2013. С. 12.

¹⁶ См.: Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении : идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : РОССПЭН, 2000. С. 35.

¹⁷ См.: Телегин Г. И. Основные этапы формирования экстремизма как противоправного деяния в России // Юрид. мир. 2013. № 1. С. 56.

¹² См.: Schmid A., Jongman A. J. Political terrorism : a new guide to actors, authors, concepts, data bases, theories, and literature. N. Y. : Transaction Publishers, 1988. P. 28.

¹³ См.: Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. : с указателями. СПб. : Гос. тип., 1903. С. 243.

явился умысел на запугивание населения и оказание влияния на политические решения органов государственной власти, как это трактуется современным российским уголовным законодательством»¹⁸.

На фоне ранее отмеченных дискуссионных позиций ученые в историческом развитии института уголовно-правового регулирования противодействия терроризму выделяют различные периоды.

Так, Г. И. Телегин отмечает следующие четыре этапа: 1) 1825–1917 гг. (дореволюционный); 2) 1917–1991 гг. (советский); 3) 1991–2000 гг. (переходный); 4) с 2000 г. по настоящее время (современный)¹⁹.

Исследователь М. Ф. Мусаелян утверждает, что отечественная эволюция уголовно-правовой регламентации противодействия терроризму связана со «следующими четырьмя этапами: 1) до 1866 г. (попытки регулирования схожих с современным пониманием терроризма деяний в Средневековье и более раннем периоде); 2) 1866–1917 гг. (предреволюционный); 3) 1917–1991 гг. (советский); 4) с 1991 г. по настоящее время (постсоветский)»²⁰.

Другой точки зрения придерживается Ю. С. Горбунов, который выделяет три периода: 1) до 1917 г. (царский); 2) 1917–1991 гг. (советский); 3) с 1991 г. по настоящее время (постсоветский)²¹.

По мнению автора представленного исследования, прямое приравнивание политических (династийных) убийств к террористическим актам некорректно. Политическое убийство может быть мотивировано устранением политического противника или стремлением к захвату власти. Терроризм же является более широким понятием, охватывающим идеологию насилия и практику манипулирования политическими решениями. Данные противоправные действия включают в себя поджоги, взрывы, захваты заложников, а также политические убийства, совершаемые с целью создания атмосферы страха и дестабили-

зации общественной обстановки, что не всегда проявляется в политических событиях прошлого. При этом политическое убийство может быть составной частью терроризма, но не его полным синонимом.

Таким образом, возникновение уголовной ответственности за политическое (династическое) убийство создало предпосылки к формированию уголовно-правовых норм регулирования в сфере противодействия терроризму.

Согласно мнению ряда ученых, занимающихся изучением терроризма и включающих политические убийства в его определение, первым юридическим документом, содержащим элементы уголовно-правового регулирования деяний, схожих с террористическими, является «Русская Правда»²².

В качестве формы проявления преступного деяния, соотносимой, по их мнению, с современной интерпретацией «террористического акта», рассматривается политическое убийство князя (ст. 19 «Русской Правды») и лиц из его окружения (ст. 22–27 «Русской Правды»). В то же время результаты анализа положений «Русской Правды» демонстрируют приоритет защиты конкретного лица (князя) или его собственности, а не создание атмосферы страха и дестабилизации в обществе, что выступает ключевым признаком современного терроризма²³.

В связи с изложенным выше отнесение данных деяний к аналогам террористических актов служит предметом дискуссий и требует дополнительного тщательного анализа. Более оправданным подходом представляется рассмотрение данных противоправных деяний как формы политического насилия, характерной для феодального общества²⁴.

В XV–XVII вв. уголовно-правовые нормы приобрели выраженный публичный характер, трансформируя восприятие преступлений как деяний, посягающих на общественный порядок в целом, а не только на интересы княжеской власти. Правовые акты того времени, та-

¹⁸ Кругосвет : электронная энциклопедия / М. Ю. Цагарели, А. В. Добровольский, М. А. Липкин. М., 1997–2017. С. 202–234.

¹⁹ См.: Телегин Г. И. Указ. соч. С. 58.

²⁰ Мусаелян М. Ф. Понятие «терроризм» и его соотношение с понятиями «террор» и «террористический акт» // Журнал рос. права. 2009. № 1. С. 61.

²¹ См.: Горбунов Ю. С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему : монография. М., 2008. С. 6.

²² См.: Свердлов М. Б. От Закона Русского к Руской Правде. М. : Юрид. лит., 1988. С. 5.

²³ См.: О противодействии терроризму : федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

²⁴ См.: Белозеров Ю. Н. Исторические аспекты возникновения и развития терроризма // Вестник С.-Петерб. ун-та МВД России. 2015. № 4 (68). С. 15–20.

кие как Псковская и Новгородская судные грамоты (1497 и 1550 гг. соответственно), закрепили нормы, регулирующие ответственность за особо тяжкие преступления, именуемые «лихими делами». К этой категории относились деяния, аналогичные современным террористическим актам, включая умышленные поджоги городской инфраструктуры, укреплений, жилых и хозяйственных построек²⁵.

Судебник 1550 г., принятый в Новгороде, установил более сложный порядок расследования преступлений данной категории. Исследователь М. Ф. Владимирский-Буданов отмечает, что именно в нем были заложены основы концепции «прямого намерения», используемой в современном уголовном праве, посредством введения понятия «хитрости»²⁶.

Предумышленность и сегодня является определяющим элементом при квалификации преступлений террористического характера, предполагая наличие четко сформулированной цели и осознанного намерения. Соборное уложение 1649 г. детально регламентировало ответственность за государственные преступления, выделив отдельную главу (гл. II) для посягательств на особу монарха²⁷.

Таким образом, результаты анализа исторического развития уголовно-правового регулирования показывают, что в средневековой России в современном понимании деяния террористического характера не имели четкой уголовно-правовой квалификации.

Терроризм как метод политической борьбы получил распространение лишь в XIX в., когда посредством взрывов и убийств представителей высших эшелонов власти дестабилизировалась общественно-политическая ситуация.

Исследователь Н. А. Троицкий называет политическое убийство императора Александра II первым в истории России террористическим актом²⁸. Преступный замысел членов организации «Народная воля» был реализован 1 марта

1881 г. В результате подрыва бомбы император Александр II скончался²⁹.

Аналогичная квалификация может быть дана акту терроризма, осуществленному С. Н. Халтуриным 5 февраля 1880 г., когда был произведен взрыв в Зимнем дворце. Император не пострадал, однако более 60 человек получили ранения, десять из которых скончались³⁰.

Уголовно-правовые меры в Российской империи в период XIX – начала XX в. формировались в ответ на указанную активизацию революционного движения и террористических актов, прежде всего направленных против представителей власти.

По мнению автора данного исследования, сложившаяся в государстве критическая ситуация послужила толчком для возникновения отечественного правового института регламентации противодействия преступлениям террористической направленности. Данный этап (до 1866 г. и в 1866–1917 гг.) характеризуется становлением общего понятия терроризма и его основополагающих черт. Впоследствии именно он послужил основой для формирования комплексной системы уголовно-правового регулирования.

В советский период уголовно-правовое преследование преступлений террористической направленности приобрело особую значимость, что нашло отражение в уголовных кодексах РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг.³¹

А. А. Пионтковский отмечал, что вследствие выраженной идеологической направленности советского общества юристы того периода акцентировали внимание на контрреволюционном умысле как необходимом элементе террористического акта, без которого квалификация по соответствующей статье становилась невозможной. Таким образом, структура преступления характеризовалась явной политической обусловленностью, отражавшей идеологические приоритеты Советского государства³².

²⁵ См.: Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 91–165.

²⁶ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 6-е изд. СПб.; Киев: Изд. книгопродавца Н. Я. Оглоблина, 1909. С. 455.

²⁷ См.: Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 167–180.

²⁸ См.: Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом. 1879–1883 гг. Саратов: Изд-во СГУ, 1983. 426 с.

²⁹ См.: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 155–186.

³⁰ См.: Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М.: Наука, 1965. С. 152.

³¹ См.: Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 203–218.

³² См.: Пионтковский А. А. Уголовное право РСФСР. Часть особенная. М.: Госиздат, 1924. С. 177–179.

По мнению А. Ж. Саркисяна, В. Д. Чиркова, М. Е. Гущева, «Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. впервые в отечественном законодательстве нормативно закрепил понятие “террористический акт”. В ст. 64 УК РСФСР была установлена ответственность за организацию террористических актов, совершенных “в контрреволюционных целях”, а также уточнен перечень потенциальных жертв, включавший “представителей советской власти и деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций”»³³.

В целом предшествовавшее Великой Отечественной войне законодательство советского периода характеризовалось ярко выраженной идеологической направленностью. Наличие политической мотивации являлось обязательным квалифицирующим признаком преступлений террористической направленности³⁴.

Распад Советского Союза, сопровождавшийся трансформацией политической системы, обусловил значительные изменения в начале 1990-х гг. Доктрина Советского государства постепенно вытеснялась современными принципами правового регулирования, и из уголовного права были исключены нормы, содержащие идеологическую основу.

В 1994 г. законодательной новеллой послужило включение ст. 213.3 «Терроризм» и 213.4 «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» в гл. X «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» Уголовного закона. Также была определена следующая новая дефиниция «терроризма»: «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного вреда либо наступления иных тяжких последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности либо воздействия на принятие решений органами власти». Кроме того, было введено специальное основание освобождения от уголовной ответственности за терроризм – «своевременное предупреждение органов власти или иное

способствование предотвращению акта терроризма»³⁵.

После прекращения существования СССР в Российской Федерации наблюдалось значительное ухудшение криминогенной ситуации. Отмечен рост террористических актов, обусловленных националистическими и религиозными убеждениями. Сложная оперативная обстановка обусловила необходимость внесения изменений в нормы уголовного права, направленные на ужесточение наказаний³⁶. К середине 1990-х гг. произошла эволюция в тактике, формах и методах совершения террористических акций. Данные изменения предъявили новые требования к деятельности правоохранительных структур. Появление новых способов совершения противоправных деяний обусловило необходимость разработки адекватных форм противодействия терроризму.

В 1996 г. в качестве ответной меры был введен в действие существующий до настоящего времени (с многочисленными изменениями и дополнениями) Уголовный кодекс РФ. В него была включена ст. 205 «Терроризм», в которой данное понятие определялось как «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих угрозу гибели людей, причинения значительного ущерба имуществу либо наступление иных общественно опасных последствий (а также угроза совершения таких действий)»³⁷. При этом целью террористического акта признавались «нарушение общественной безопасности, запугивание населения либо воздействие на органы государственной власти»³⁸.

Следует отметить, что санкции, предусмотренные анализируемой нормой за совершение террористических актов, по сравнению с действующим в наши дни законодательством,

³³ Саркисян А. Ж., Чирков В. Д., Гуцев М. Е. Понятие и сущность терроризма // Вестник Моск. академии Следств. комитета РФ. 2021. № 1. С. 17.

³⁴ См.: Герцензон А. А. История советского уголовного права. М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. С. 46–50.

³⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25.

³⁶ См.: Лунеев В. В. Преступность XX века : мировые, региональные и российские тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 91–92.

³⁷ Уголовное право России. Особенная часть / С. В. Расторопов, Л. Д. Гаухман и др. ; под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова. М.: Инфра-М, 2003. С. 352.

³⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.11.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

представляются относительно мягкими: «лишение свободы на срок от пяти до двадцати лет, без применения смертной казни или конфискации имущества»³⁹.

Новый этап в развитии рассматриваемого уголовно-правового института напрямую связан с введением специализированных антитеррористических законов.

Так, Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» позволил расширить дефиницию «терроризм», включив в нее «насилие или угрозу его применения в отношении физических лиц или организаций, уничтожение (повреждение) или угрозу уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов»⁴⁰.

Вместе с тем результаты анализа показывают, что ключевым недостатком указанного нормативно-правового акта являлось ограничение рассмотрения терроризма исключительно как отдельных проявлений, а не как целостного социально-политического феномена, с преобладанием репрессивных мер над профилактическими.

По мнению ряда ученых, «определение терроризма не охватывало деяния, не связанные напрямую с совершением террористического акта, такие как пропаганда террористических идей, вербовка, обучение и вооружение террористов. Данное обстоятельство сужало рамки противодействия терроризму и требовало расширения нормативно-правового регулирования»⁴¹.

Данные противоречия были устранены с введением Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», который впервые в истории отечественного законодательства сформировал комплекс государственных мер, включающий профилактику (устранение причин и условий), борьбу (выявление, пресечение и расследование преступлений) и минимизацию последствий террористических проявлений.

Указанный нормативно-правовой акт установил организационные принципы борьбы с

терроризмом, включая порядок проведения контртеррористических операций, механизм компенсации ущерба, нанесенного в ходе терактов, меры соцреабилитации потерпевших. Полномочия по контролю за реализацией антитеррористических мероприятий при этом вошли в зону ответственности Президента и Правительства Российской Федерации⁴².

Наряду с этим определены руководящие принципы и правовые рамки противодействия терроризму; даны четкие определения, формирующие понятийный аппарат; установлен порядок взаимодействия правоохранительных органов в данной сфере; профилактические меры определены в качестве приоритетных⁴³.

Анализ показывает, что современный этап развития законодательства характеризуется формированием принципиально новой, комплексной общенациональной системы противодействия терроризму, охватывающей меры по обнаружению, предотвращению, пресечению, раскрытию и расследованию террористических актов, а также деятельности, направленной на профилактику терроризма, минимизацию и устранение последствий его проявлений.

В целом проведенный ретроспективный анализ становления и эволюции уголовно-правового института противодействия терроризму в Российской Федерации позволил выявить ряд методологических и концептуальных проблемных аспектов.

Так, до настоящего времени отсутствует общепринятая периодизация исторического развития, что создает препятствия для системного анализа. Исследователи предлагают различные критерии и этапы развития. Отсутствует единый взгляд на исторические вехи.

Проблема терминологической неоднозначности проявляется в дискуссиях вокруг содержания понятий «терроризм», «террор» и «террористический акт» в различные исторические периоды. Интерпретация данных терминов существенно влияет на определение границ исследуемого института.

Существенной проблемой также является влияние политической конъюнктуры и идеологических установок на оценку исторических событий и законодательных решений, особен-

³⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.11.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴⁰ О борьбе с терроризмом : федер. закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3825.

⁴¹ Саркисян А. Ж., Чирков В. Д., Гуцев М. Е. Указ. соч. С. 21.

⁴² См.: О противодействии терроризму : федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

⁴³ См.: Там же.

но применительно к советскому и постсоветскому периодам. Подобная ангажированность может приводить к субъективным выводам и противоречиям.

Кроме того, затруднено вычленение института противодействия терроризму в качестве самостоятельного на ранних этапах развития отечественного права ввиду его интеграции в другие составы преступлений, например против государственного строя.

Недостаточная разработанность методологии историко-правового анализа также препятствует исследованию трансформации уголовно-правовых норм. Разнообразие источников (от уложений до современных федеральных законов) требует комплексного компаративистского анализа и разработки унифицированных подходов к изучению.

Указанные выявленные проблемы обуславливают необходимость дальнейших исследований, направленных на формирование целостного и объективного представления об эволюции уголовно-правового института противодействия терроризму в России.

Библиографический список

Белозеров Ю. Н. Исторические аспекты возникновения и развития терроризма // Вестник С.-Петербург. ун-та МВД России. 2015. № 4 (68). С. 15–20.

Бортников А. В. ФСБ : на Украине работает более 120 колл-центров для вербовки россиян. URL: <https://myseldon.com/ru/news/index/336483391?requestId=aa10a4b7-83cb-43f5-8108-b4ce590b975a.html>

Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении : идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : РОССПЭН, 2000. 399 с.

Бычков В. В., Прорвич В. А. Киберэкстремизм в системе киберпреступности // Рос. следователь. 2024. № 2. С. 54–58.

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 6-е изд. СПб. ; Киев : Изд. книгопродавца Н. Я. Оглоблина, 1909. 699 с.

Герцензон А. А. История советского уголовного права. М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. 466 с.

Горбунов Ю. С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему : монография. М. : Молодая гвардия, 2008. 460 с.

Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М. : Мысль, 1970. 444 с.

Зинин Ю. Н. Теракт в «Крокус Сити Холле» : восприятия и отклики на Ближнем Востоке // Россия и мусульманский мир : науч.-информ. журнал. 2024. № 2. С. 10–23.

Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М. : Наука, 1965. 443 с.

Королев А. А. Террор и терроризм в психологическом и идеологическом измерении : история и современность : науч. монография. М. : Моск. гуманитар. ун-т, 2008. 50 с.

Кошель П. А. История российского терроризма. М. : Голос, 1995. 369 с.

Кругосвет : электронная энциклопедия / М. Ю. Цагарели, А. В. Добровольский, М. А. Липкин. М., 1997–2017.

Лунеев В. В. Преступность XX века : мировые, региональные и российские тенденции. М. : Волтерс Клувер, 2005. 912 с.

Мусаелян М. Ф. Понятие «терроризм» и его соотношение с понятиями «террор» и «террористический акт» // Журнал рос. права. 2009. № 1. С. 56–64.

Петрищев В. Е. Что такое терроризм, или Введение в террорологию. М. : КРАСАНД, 2013. 464 с.

Пионтковский А. А. Уголовное право РСФСР. Часть особенная. М. : Госиздат, 1924. 235 с.

Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2. 519 с.

Рудик М. В., Торопов С. А. Беспилотные средства доставки взрывчатых веществ как орудие преступления // Ученые записки Крым. федер. ун-та В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 3. С. 175–180.

Саркисян А. Ж., Чирков В. Д., Гуцев М. Е. Понятие и сущность терроризма // Вестник Моск. академии Следств. комитета РФ. 2021. № 1. С. 70–75.

Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М. : Юрид. лит., 1988. 174 с.

Телегин Г. И. Основные этапы формирования экстремизма как противоправного деяния в России // Юрид. мир. 2013. № 1. С. 53–58.

Титова В. А. Цифровой террор : как атаки на «Аэрофлот» изменят будущее гражданской безопасности. URL: <http://ukraina.ru/amp/20250728/tsifrovoy-terror-kak-ataki-na-aeroflot-izmenyat-budushee.html>

Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом. 1879–1883 гг. Саратов : Изд-во СГУ, 1983. 426 с.

Уголовное право России. Особенная часть / С. В. Расторопов, Л. Д. Гаухман и др. ; под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова. М. : Инфра-М, 2003. 525 с.

Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. : с указателями. СПб. : Гос. тип., 1903. 340 с.

Laqueur W. The new terrorism : fanaticism and the arms of mass destruction. N. Y. : Oxford univ. press, 1999. VII. 312 p.

Schmid A., Jongman A. J. Political terrorism : a new guide to actors, authors, concepts, data bases, theories, and literature. N. Y. : Transaction Publishers, 1988. 700 p.

References

Belozero Yu. N. Historical aspects of the emergence and development of terrorism // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 4 (68). P. 15–20.

Bortnikov A. V. FSB : More than 120 call centers operate in Ukraine to recruit Russians. URL: <https://myseldon.com/ru/news/index/336483391?requestId=aa10a4b7-83cb-43f5-8108-b4ce590b975a.html>

Budnitsky O. V. Terrorism in the Russian liberation movement : ideology, ethics, psychology (second half of the 19th – early 20th centuries). Moscow : ROSSPEN, 2000. 390 p.

Bychkov V. V., Prorovich V. A. Cyber extremism in the cybercrime system // Russian investigator. 2024. No. 2. P. 54–58.

Vladimirsky-Budanov M. F. Review of the History of Russian Law. 6th ed., St. Petersburg ; Kiev : Publishing House of the bookseller N. Ya. Ogloblin, 1909. 699 p.

Gertsenzon A. A. History of Soviet criminal law. Moscow : Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, 1948. 466 p.

Gorbunov Yu. S. Terrorism and legal regulation of counteraction to it : monograph. Moscow : Molodaya Gvardiya, 2008. 460 p.

Zayonchkovsky P. A. Russian autocracy at the end of the 19th century (political reaction of the 80s – early 90s). Moscow : Mysl, 1970. 444 p.

Zinin Yu. N. Terrorist attack at Crocus City Hall : perceptions and responses in the Middle East // Russia and the Muslim world : scientific and information magazine. 2024. No. 2. P. 10–23.

Itenberg B. S. Movement of revolutionary populism. Populist circles and «going to the people» in the 70s of the 19th century. Moscow : Nauka Publ., 1965. 443 p.

Korolev A. A. Terror and terrorism in the psychological and ideological dimension : history and mo-

dernity : scientific monograph. Moscow : Moscow University for the Humanities, 2008. 50 p.

Koshel P. A. History of Russian terrorism. Moscow : Golos, 1995. 369 p.

Circumnavigation : an electronic encyclopedia / M. Y. Tsagareli, A. V. Dobrovolsky, M. A. Lipkin. Moscow, 1997–2017.

Lunev V. V. Crime of the 20th century : global, regional and Russian trends. Moscow : Wolters Kluwer, 2005. 912 p.

Musayelyan M. F. The concept of «terrorism» and its relationship with the concepts of «terror» and «terrorist act» // Journal of Russian Law. 2009. No. 1. P. 56–64.

Petrishchev V. E. What is terrorism or Introduction to terrorism. Moscow : KRASAND, 2013. 464 p.

Piontkovsky A. A. Criminal law of the RSFSR. The part is special. Moscow : Gosizdat, 1924. 235 p.

Russian legislation of the X–XX centuries. Moscow, 1985. Vol. 2. 519 p.

Rudik M. V., Toropov S. A. Unmanned means of delivering explosives as a weapon of crime // Scientific notes of the Crimean Federal University V. I. Vernadsky. Legal sciences, 2019. No. 3 P. 175–180.

Sarkisyan A. Zh., Chirkov V. D., Gushchev M. E. The concept and essence of terrorism // Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2021. No. 1. P. 70–75.

Sverdlov M. B. From Russian Law to Russian Truth. Moscow : Legal literature, 1988. 174 p.

Telegin G. I. The main stages of the formation of extremism as an unlawful act in Russia // Legal World. 2013. No. 1. P. 53–58.

Titova V. A. Digital terror : how attacks on Aeroflot will change the future of civil security. URL: <http://ukraina.ru/amp/20250728/tsifrovoy-terror-kak-ataki-na-aeroflot-izmenyat-budushee.html>

Troitsky N. A. «People's Will» before the royal court. 1879–1883. Saratov : Publishing House of Saratov State University, 1983. 426 p.

Criminal law of Russia. Special part / S. V. Rastropov, L. D. Gauchman et al.; under general ed. L. D. Gauchman, S. V. Maksimova. Moscow : Infra-M, 2003. 525 p.

Laqueur W. The new terrorism : fanaticism and the arms of mass destruction. N. Y. : Oxford univ. press, 1999. VII. 312 p.

Schmid A., Jongman A. J. Political terrorism : a new guide to actors, authors, concepts, data bases, theories, and literature. N. Y. : Transaction Publishers, 1988. 700 p.

А. А. Тарасов

Исторический аспект возникновения и развития уголовно-правового института противодействия терроризму...

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Тарасов А. А., старший преподаватель департамента уголовного права, процесса и криминалистики

E-mail: tarasov.aa@hse.ru

Поступила в редакцию: 26.11.2025

Для цитирования:

Тарасов А. А. Исторический аспект возникновения и развития уголовно-правового института противодействия терроризму в российском законодательстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 1 (64). С. 290–300. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/1/290-300>

National Research University «Higher School of Economics»

Tarasov A. A., Senior Lecturer of the Department of Criminal Law, Procedure and Criminology

E-mail: tarasov.aa@hse.ru

Received: 26.11.2025

For citation:

Tarasov A. A. Historical aspect of the emergence and development of the criminal legal institute for countering terrorism in Russian legislation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 1 (64). P. 290–300. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/1/290-300>